

Маленькое счастье

ИРОНИЧЕСКИ-своевременно звучит нормативная риторика декоративного зачина к статье Пастернака: «Сто лет тому назад, 30 марта 1844 года, в городе Меце родился великий лирический поэт Франции Поль Верлен. Чем он может занимать нас сейчас, в горячие наши дни, среди нашей нешуточности, в свете нашей ошеломляющей победы?». («Хребет риторике сверни!» — гневно скрикивает (в переводе Пастернака же) в ответ несговорчивый юбиляр из столетнего далека.) Каждому на его изощренный вкус предлагается наполнить фактическим содержанием всеобъемлющие матрицы «нешуточности» и «ошеломляющей победы», без надежды на пестрое разнообразие вариантов. В нашу нешуточность входит юбилей поэта. А мы уже фатально путаем Верлена с Валери, Верхарном и Верхушеном.

К слову, вот любоезно мне одолженный анекдот: на утверждении темы диссертации в ИМЛИ вызывал сомнения ее будущий герой, Валери. Почтенный maître, защищая идеологически легкомысленную аспирантку, восклицает: «Товарищи! Но о Валери сам Горький писал». Вроде бы изощренная филологическая путаница на уровне интертекста, на деле — горькое свидетельство «ознакомительного знакомства» со всей мировой литературой в переложении надежных интерпретаторов.

По Горькому учили Верлена, выучили бы и Валери. Нет, не оце-

обяние Верлена сосредоточено в его голосе. Быть может, из всех поэтов всех времен стих его обладает голосом наиболее проникновенным» (Волошин). Живая ткань слова поет и дышит. Не мертвые значки на белом поле, а «целые реченья, парижская фраза во всей ее непротунности и чарующей меткости» (Пастернак). (Непреодолим соблазн опереться на плечо прочитанной книги!). Не текст, но с-т-и-х-о-т-в-о-р-е-н-и-е Верлена живет в своей «антилитературности» (Леметр). В наш век борьбы с фоноцентризмом и торжества ЛИТЕРАТУРЫ опыты Верлена дорогого стоят. Как их описать, не прибегая к привычным литературно-академическим приемам, облегчающим жизнь? Две цитаты, три термина — в потенции и будущая книга. У Верлена — «час закрытых книг».

При этом поэт — и счастливый родитель, и несчастный опекун целого выводка книг в стихах и прозе, блистательных и блеклых, классических и изданных подпольно, подлинно живых и выцезженных, словно капля абсента со дна стакана. Книги выходили сообразно затейливой системе: «публиковать если не одновременно ... то параллельно сочинения, содержащие совершенно противоположные идеи» (так писал он в печальной биографии выдуманного поэта с именем в виде анаграмматической забавы: «Бедный Лелиан», Pauvre Leliane — он же Paul Verlaine). Из католической экзальтации — в пучины плотских страстей, чтобы придуманное «Счастье» назидательных проповедей сменилось естественным торжеством ликующей «Плоти». «Параллельно» — название сборника, положившего начало странному опыту, но и одно-

кроманов». Позерство ребенка оказалось пророческим. Недолгий мир счастливого детства, осиянного двумя светлыми образами — матери и кузины Элизы, был скоро нарушен переездом в фатальный Париж, город-призрак, жестокий и притягивающий, как всякое зло.

Последней попыткой вернуться к прежнему тихому счастью стала женитьба на Матильде Моте, единственной женщине, которую он любил. Лучший сборник Верлена, как бы ни смеялись над ним высокоболье критики, — «Добрая песня» (я бы перевел — «Песня маленького счастья»), след той любви, «самая певучая, самая обаятельная из книг Верлена» (Брюсов). Но Сатурн делал свое рыжее дело. Кто виноват, что Матильда оказалась не той девушкой из «давнего сна»? «Вы ничего не поняли в моей простоте», — бросит он ей. И в поисках счастья, простоты и любви пустится по самой невозможной, самой непростой дороге, окрашенной кровью, трагедией и вечным одиночеством.

...Наверное, они были очень хороши. Наверное, фантазия поэта видела в этих мальчиках поразительные черты — но подавите желание, не завидуйте невозможной любви. Люсьен Виотти, школьный товарищ, «благородный мальчик», убит в 1870 году, остался героем прекрасного стихотворения в прозе «Памяти моего друга» из «Воспоминаний вдовца». Артур Рембо, «Пьеро-сорванец» (объект набоковской иронии в «Машеньке»: «сам он думал, что похож на верленовского «полу-пьеро, полу-гавроша»), скрывавший за фальшивым визионерством и дионисизмом стиха профессиональный расчет негоцианта; ре-

ВАРВАР, ДИКАРЬ, РЕБЕНОК

30 марта исполнилось 150 лет со дня рождения Поля Верлена

Верлен и Рембо в Лондоне.

Рисунок Ф. Регаме начала 70-х годов прошлого века.

нимо и не оценено значение горьковского «Поля Верлена и декадентов», этого доморощенного некролога поэту в «Самарской газете» 1896 года. Многие поколения студентов в эту смазь, где о Верлене по существу ни слова, с упоением погружались, выщипывая крохи информации, смакуя чарующую музыку незнакомых имен, не вдумываясь особо в идеологически выдержанные оценки. А потом цитировали: «Верлен был ясное и проще своих учеников: в его всегда меланхолических и звучащих глубокой тоской стихах был ясно слышен вопль отчаяния, боль чуждой и нежной души...». Но ирония затертого текста — в его правдивости, и надо набраться мужества воскресить первоначальный смысл однажды сказанного. Если пропустить патетику сравнений («розы, которыми судьба сечет культурные классы Европы» и пр.), останется ясная и цепкая характеристика декадентов: «Сначала это были дети, чистые сердцем дети, какими бываем все мы, к сожалению, очень краткое время». В этом причина трагической и привлекательной непохожести Верлена «на своих учеников» — он остался ребенком не на краткое время, а на всю свою краткую жизнь. И непосредственность ребенка дала искренность «вопля отчаяния», отличающую поэтику Верлена от манерной искусственности страстей его подражателей. Все это есть в словах Горького.

Даже прекрасно, что он твердит зады. Как за ним примутся твердить о том же (детскость, искренность, недекадентская ясность) прочие русские апологеты Верлена в начале века. След ведет во французскую критику, Верленом увлеченно заинтересовавшуюся в конце его жизни. Жюль Леметр: «дитя с душой чистой и честной» (1888); Анатоль Франс: «волнующая непосредственность», «стоны и крики бедного, больного дитя», «бессознательное существо», «полузверь-полуубог» (1890); Франсуа Коппе: «навсегда остался ребенком, сохранившим свою детскую душу, всю свежесть чувств», «чистосердечно высказывает все, что думает» (речь на похороны) — указали дорогу Зин. Венгеровой и Евг. Аничкову, Вал. Брюсову и Фед. Сологубу, Макс. Волошину и Бор. Пастернаку...

И далее — снова цитаты: «Все

временно принцип всего позднего творчества. Рене Гиль рассказал, как застал Верлена за сосредоточенной молитвой, а через несколько минут тот уже весело восседал в плохоньком кафе. На удивленный вопрос моралиста Гиль поэт разразился речью, достойной героев Достоевского: «В нас, во всех людях, есть два существа, поддерживающие друг друга, но враждебные, ах, как враждебные! — ангел и свинья! да, решительно свинья!»

Порой слишком надуманно, порой подчиняясь подлинным чувствам, поздний Верлен попеременно дает слово ангелу и свинье. На деньги, вырученные от издания книги «Коварные ласки», заключающую в себе описание всех видов любви, писатель Шулетт отправится в паломничество в Ассизи (иронический портрет Верлена в «Розовой лилии» Анатоля Франса). Имя «Верлен» стало нарицательным. Так живой и естественный некогда поэт превращался в символ пьяного поэтического бреда, в пленника безумной программы, искусственной по сути. Выморочность прожектов и строгий график смены тем стали возможны оттого, что ЛИТЕРАТУРА торжествовала победу, мстя за бывшие инвективы по своему адресу, но внешне одаривая заслуженной славой. Это Верлен, со своим неутоленным чувством, понимал, на запоздалое признание реагируя принципиальным бродяжничеством, уже не желая таким приходиться на Парнас. Все в прошлом, дорога фатально лежит от столика кафе к больничной койке, но не о чем жалеть.

Нет — будущему моему, Да и прошедшему всему, Которое ужасно было, Я предпочту... больницу.

(Перевод В.Рогова)

В юности, играя в Бодлера (вот еще анекдот к месту: еще в школе, в спешке читая запретный томик Бодлера, ребенок Верлен в заголовке «Цветы зла» спутал «du Mal» (зло) и «de Mai» (май), решив, что «майским цветам» вполне подходит такое содержание), Верлен напропорчил себе несчастливую судьбу. Во вступлении к «Сатурническим стихотворениям», связав свою жизнь со «la ligne SATURNE, fauve planete, signe aux necromanciens» — «знаком Сатурна, этой рыжей (или «дикой», — А.П.) планетой, любимицей не-

месленник от литературы, жестокий карьерист (нет суровой и справедливой оценки, нежели «русский Рембо»). За его водяную кровь Верлен заплатил двумя годами тюрьмы. Неудавшийся роман разбитая жизнь, книга «Песни без слов» и оправдания Патера Берришона, биографа Рембо («Да никогда, Боже упаси...»). Люсьен Летинуа, крестьянский сын, умерший от тифа (предусмотрительный папочка продал ребенка за верленовское имение) — замена Рембо и повод для написания превосходных 24 стихотворений («Плач по бедному Люсьену Летинуа»), занимающие одну треть в набожной и целомудренной книге «Любовь». Незвестный Фредерик-Аугуст Казаль. Невозможная любовь с трагическим концом и прекрасными стихами. Что было между ними? «Друзья Верлена, хорошо знавшие его, и он сам неоднократно, настаивают на том, что к этому чувству идеальной грубых никогда не приешивалось ничего такого, что могло бы сделать ее предосудительной в иных глазах... Оставляя последний вопрос открытым, мы укажем только на самый факт этого влечения Верлена к платоновским идеалам». Резюме Брюсова — все, что можно сказать по этому поводу.

Конец жизни прошел в окружении женщин. Евгения и Филомена уже не стали ангелами-хранителями, как те (даже если за покровительство их приходилось платить слезами и болью).

Счастья не было, жизнь шаталась, трясина засасывала, Бог не помогал. Непостоянство — отсюда вечный мотив колебания в стихах. От раннего ужаса: «О, умереть на этих качелях!» через: «Я убаюкою громотные тревоги — и ты откликнешься, как сонное дитя».

(Перевод А.Глескула, не самый удачный, увы)

До классического: «Под чьей-то рукой/ Я — зыбки качанье/ В пещере пустой.../ Молчанье, молчанье!»

(Перевод Ф.Сологуба)

Человек на смертельных качелях. Ребенок в мистической люльке. Щепка в бурном ручье. Верлена нес поток жизни, а он до самых последних дней мечтал о тихом счастье.

И надеялся, что «возможным счастьем удостоен» (перевод В.Рогова) — в больничных стихах. Перед смертью.

Подлинная боль, живой голос и непосредственность обделенного ребенка («Верлен сохранил бессознательную потребность ласки» — Фр. Коппе) живут во всех его стихах. Верлен ждал успокоения хотя бы в смерти. Смерть — «этого единственно ему не хватало», напишет Клодель.

Старик ушел. Он вернулся туда, откуда его прогнали...

Только голос — то ли женщины, то ли ребенка, то ли Ангела — «Верлен!» — позвал его из тумана.

(Перевод О.Седаковой)

А нам остались анекдоты о Верлене, легенды о Верлене, воспоминания о Верлене, мифология Верлена. И старики, похожие на Верлена, в русской литературе. А сам он был похож одновременно на Сократа и орангутанга, убежавшего из зоологического сада. Ребенок и дикарь.

«Мое завещание.

Я не оставляю ничего бедным, потому что я сам бедняк.

Я верю в Бога.

Поль Верлен.

Приписка: «...Так как мои лавры никогда не мешали никому спать, то хору можно будет пропеть во время печального обряда, на мотив Госсекса, знаменитую оду: «Франция лишила своего Морфея».

Верлен уже давно никому не мешает спать.